



## ЮБИЛЕЙ Т. ГРИНИНГА

Том Грининг — один из тех людей, при одной мысли о которых на лице сама собой возникает теплая улыбка и на душе становится лучше.

Грининг — один из последних свидетелей и участников великой гуманистической революции 1960-х. Первым его работодателем был Джим Бьюджентал, первый президент Американской ассоциации гуманистической психологии, с которым они какое-то время работали в одном кабинете. А когда основные «революционные» бои отгремели, Гринингу доверили важнейший пост главного редактора печатного органа этой ассоциации, *Journal of Humanistic Psychology*, который он занимал 35 лет: с 1970 по 2005г. Одновременно Том занимался (и занимается до сих пор) индивидуальной и групповой психотерапией, принимая своих клиентов в одном и том же офисе в Лос-Анджелесе вот уже 43 года. Его публикации немногочисленны (если не считать редакторских введений к каждому номеру журнала гуманистической психологии на протяжении 35 лет!), но всегда неслучайны и бьют точно в цель.

Я познакомился с ним в конце 1980-х, когда на волне перестройки возникла «гражданская дипломатия»: пробуждающимся от оцепенения Советским Союзом заинтересовались во всем мире не только политики, дипломаты и разведчики — в моду вошли делегации всевозможных общественных организаций, среди которых Ассоциация гуманистической психологии была одной из самых активных. А в этой ассоциации одним из самых активных и заметных был Том, который еще раньше начал заниматься вопросами мировой политики и международных отношений через призму гуманистической психологии, выпустил сборник работ по этой тематике. С тех пор мы дружим, регулярно встречаемся, переписываемся.

К редким особенностям Тома относятся его равнодушие, сочетающееся с трезвостью оценок, и хорошее чутье на вычленение действительно важного из вороха несущественного — приметы экзистенциалистского мировосприятия. 29 ноября 2010 года ему исполнилось 80, но по степени активности, причем очень осмысленной и целенаправленной, он может служить почти недостижимым образцом для моего поко-

ления, хотя нас разделяют 3 десятилетия. В электронной почте я постоянно обнаруживаю рассылки, сделанные Томом для целого круга корреспондентов, со ссылками на публикации и газетные статьи. Эти материалы обычно посвящены не психологическим, а общественным проблемам, которые его чем-то зацепили, — а цепляет его многое, и то, чем он делится, действительно интересно. В прошлом году, собираясь проводить очередную Всероссийскую конференцию по экзистенциальной психологии, я мимоходом сообщил Тому об этом в письме, и неожиданно для меня он загорелся и захотел приехать. И он действительно прилетел, преодолев бюрократические препятствия российского консульства (с которым и молодым-то бодаться непросто), украсил своим присутствием конференцию и пробыл в Москве две недели.

Одна из главных страстей его жизни в последние 15—20 лет — история офицера Засецкого (героя книги А.Р. Лурии «Потерянный и возвращенный мир»), контуженного на войне, чью распавшуюся картину мира восстановили нейропсихологи. Тома заинтересовало в этой истории то, что выходило за рамки восстановления нарушенных когнитивных функций, а именно чисто экзистенциальные аспекты судьбы Засецкого; он захотел снять фильм об этом. А.М. Матюшкин, с которым Том тоже подружился в конце 1980-х, съездил на родину Засецкого и достал его чудом сохранившиеся дневники, известный журналист К.Е. Левитин сделал сценарий, проект был поддержан такими крупными учеными, как М. Коул и О. Сакс, но до сих пор не удается решить главные вопросы — о финансировании и производстве фильма. На конференции 2010г. в Москве Том организовал специальный симпозиум на эту тему, встречался с режиссерами кино и телевидения... Пока не получается. Но если кто-то и сможет реализовать этот замысел, то только 80-летний Том Грининг. Дай бог нам всем, дожив до его лет, сохранить хоть частичку такого пламени, как то, что горит в его душе. Не люблю пафос, но когда речь заходит о Томе, удержаться трудно — настолько он цельная и светлая личность.

А стихи, которые с ним большую часть жизни, говорят сами за себя и в комментариях не нуждаются...

*Д. Леонтьев*

## T. GREENING'S ANNIVERSARY

*D.A. LEONTIEV*

## СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Т. ГРИНИНГ

### CURE

In this review of a book by *Marty Jezer, Abby Hoffman: American Rebel* in the January 13, 1993 *Los Angeles Times*, Jonathan Kirsch claims that Abby died «the victim of a mental illness that may have prompted his many pranks in the first place», and describes him as suffering from «bypolar dis-order». Thus, the political activist who was once Abraham Maslow's student and the court jester of the counterculture is explained away by the medical model. I must confess that I suffer from the same disease. But there is a cure, as the following poem reveals.

I have a vexing problem with  
a dread disease that is no myth.  
I get upset by world events,  
by suffering and sad laments,  
by children starving in the east  
while richer folk carouse and feast.  
Genetically I am impaired  
and far too often have despaired  
about our inhumanity,  
thus showing my insanity.  
My saner friends don't sadly dwell  
on how the earth resembles hell.  
Their biochemistry is fine,  
while mine is more like turpentine.  
Their neurons fire the way they should  
while I have never understood,  
the way the world is organized,  
and so I always am surprised  
by horrors other take in stride,  
by innocence still crucified.  
While cheerful folk feel they are blessed,  
I'm pathologically depressed.

But there is hope, my doctor swears,  
new wonder drugs will ease my cares.  
He'll fix my too empathic brain,  
he'll make my sick synapses sane.  
My mental illness can be cured  
and all the anguish I've endured  
will no more plague my deranged head,  
and my compassion will be dead.

### ИСЦЕЛЕНИЕ

В обзоре книги Марти Джебера «Абби Хоффман: американский мятежник» от 13 января 1993 года в газете «Лос Анджелес Таймс» Джонатан Кириш пишет, что Абби умер, став «жертвой психической болезни, которая могла прежде всего явиться причиной его многочисленных дурачеств», и утверждает, что он страдал от «биполярного расстройства». Таким образом, политическому деятелю, который некогда был учеником Абрахама Маслоу и придворным шутом контркультуры, поставлен медицинский диагноз. Я должен признаться, что страдаю от той же самой болезни. Но есть средство ее излечить, как утверждает следующее стихотворение.

Увы, проблема у меня:  
болезнью странной болен я.  
Мне плохо, если в новостях  
одно страдание и страх.  
Как голодающих детей  
спасти — у сытых нет идей.  
В моей генетике дефект,  
и слаб мой скудный интеллект.  
Мое любое мнение  
от нормы отклонение.  
Мои друзья не говорят  
о том, что жизнь кромешный ад.  
Сильна их биохимия,  
букашка рядом с ними я.  
Нейроны стойкие у них,  
а я больной, несчастный псих.  
От них отстал я по уму,  
как мир устроен, не пойму:  
бандитов даже не бранят,  
невинных до сих пор казнят.  
У оптимистов нет проблем,

а я подавлен, глух и нем.  
Но обнадежил доктор мой  
меня пилюлей дорогой,  
что отдых даст моим мозгам,  
а нервам лечащий бальзам.  
Мой частный случай излечим.  
Я повернусь спиной к другим,  
я зла не буду замечать  
и перестану сострадать.

### MANAGED CARE

Provide, provide some balm to ease our pain,  
bestow on us an angel's healing grace,  
an ample dose of Camus or Coltrane,  
an antidote to stop our lemming's race.

What's covered and what claims will be denied?  
Lear's madness now infects the entire race.  
Prescribe a cure to save the old man's pride,  
dispense a drug to save us from disgrace.

What medicine will cool our feverish brow?  
What X-rays show us where are souls cracked?  
What treatment plan will clearly tell us how  
to find at last the love we've always lacked?

Third party payers tightly hold the purse,  
and terror grips us in our restless sleep.  
Who knows what charges they will reimburse?  
Salvation on this earth does not come cheep.

Tight economic limits rule the day,  
the bureaucrats will ascertain the price.  
Of rescuing the sheep who've gone astray,  
and short-term therapy must now suffice.

Be generous, while you contain the cost  
Life's harder than we ever realized.  
We're floundering, our ark is nearly lost  
Be merciful, if that is authorized.

### ХОЗЯЙСКАЯ ЗАБОТА

Утешь, утешь бальзамом боль мою,  
и благодатью пропитай мой дом,  
дай дозу мне Колтрейна и Камю,  
как антидот тому, как мы живем.

Что будет с нами, что известно нам?  
Безумье Лира заражает нас.  
Как жить в продажном мире старикам?  
Чем излечить шизофрению масс?

Какой рецепт умиротворит сердца стук?  
Какой рентген душевный даст совет?  
Что нам поможет без ужасных мук  
найти любовь, которой у нас нет?

Есть где-то меценаты, может быть,  
а жертв террора попросту не счесть,  
и нечем нам за выкуп заплатить.  
Спасенье наше дорогая вещь.

Мы стали экономить, наконец,  
а цены назначает бюрократ.  
На поиск заблудившихся овец  
излишних не отпущено затрат.

Будь щедр, когда идет речь о цене,  
ведь жизнь грубей, чем кажется порой.  
Хоть наш ковчег уже почти на дне  
будь милостив, надеюсь, Ты такой.

### RESEARCH

Psychological research would be easier,  
more precise, if God were not  
a confounding variable.  
I was taught, «If something exists  
it exists in some quantity  
and can be measured.»  
I still have the micrometer

my grandfather used working as a steel roller  
and the diary in which he recorded  
the date of my mother's birth, her gender,  
but not her name,  
or the dimensions of his faith.  
The thickness of steel and skin  
surrenders to our calipers,  
but God is an enraged whale  
who lunges at our leaking boat,  
then plunges down and down  
the harpoon fifty centimeters deep  
in his mortal flesh,  
a rope (an inch thick)  
tangled around our legs  
dragging us behind him.

### ИССЛЕДОВАНИЕ

Исследование психологов было бы более легким,  
более точным, если бы Бог не был  
неясной переменной величиной.

Меня учили: «Если что-то существует,  
то существует в определенном количестве  
и может быть измерено».

Я до сих пор храню микрометр, которым  
пользовался мой дед, работая вальцовщиком,  
и дневник, в который он записал  
дату рождения моей матери, указал пол,  
но не ее имя,  
или глубину своей веры.

Толщина стали и кожи  
измеряется штангенциркулем,  
но Бог это разъяренный кит,  
который набрасывается на нашу дырявую лодку,  
а затем погружается все глубже и глубже  
с пятидесятисантиметровым гарпуном  
в его смертной плоти,  
а канат (толщиной в дюйм)  
опутал наши ноги  
и тащит нас за ним.

### **OUR MEDICATED ARMY**

Results from studies indicate  
that we should amply medicate  
our soldiers fighting this good war,  
and thus inure them to the gore  
so they will calm down well before  
they all go bonkers and implore  
our government to end this mess  
that causes them such dreadful stress.  
In fact, let's drug the rest of us  
so we can be oblivious.

### **МЕДИКАМЕНТЫ В АРМИИ**

Специалисты говорят,  
что нужно доблестных солдат  
медикаментами кормить,  
чтобы покорность им привить.  
Пусть депрессанты им дадут,  
а то, свихнувшись, вдруг начнут  
клеить правительство свое  
за то, за это, и за все.  
И нам полезно, может быть,  
лекарством память притупить.

### **SISYPHUS REDUX**

This rock, this mountain, this man,  
this futile perseverance  
what use is such a myth?  
Sisyphus gets nowhere,  
gravity always wins.  
Go ahead, if you wish  
imagine him happy  
with or without anti-depressants.  
You might as well imagine  
the rock is ecstatic  
bouncing down the slope, defiant

So is this struggle any use to us?  
We are in it, and outside it.



We view it, and have attitudes.  
We are not rocks, not mountains,  
Not sure we are Sisyphus.  
We read the story,  
see him sweat,  
dodge the rock,  
respect the mountain,  
climb up to stand on Sisyphus's shoulders  
and peer beyond, beyond.

### **ВОЗВРАЩЕНИЕ СИЗИФА**

Эта скала, гора и человек,  
и тщетное упорство это  
зачем нам миф такой?  
Сизиф не достигает ничего,  
тяжести сила всегда побеждает.  
Продолжим, если хочешь,  
вообрази, что счастлив он  
с депрессантами или без.  
Ты можешь представить также,  
будто скала в экстазе  
произвольно скачет вниз по склону.

Так есть ли в борьбе этой польза для нас?  
Мы в ней, а также вне.  
Мы смотрим на нее по-разному.  
Мы не скалы и не горы,  
и, конечно, не сизифы.  
Мы читаем сюжет,  
видим, как Сизиф потеет,  
обманываем скалу,  
уважаем гору,  
взбираемся вверх, на плечи Сизифа  
и смотрим пристально вдаль, вдаль.

### **FOR RONNIE LAING**

Who's mad and who's sane,  
and who decides?  
If you have to ask,  
don't ask it loud,

or you can end up  
on the wrong side of the keys,  
knife, chemicals, or electricity.  
What was a nice Scottish doctor  
doing in the world like this?  
Rattling paradigms, that's what,  
and drinking more than he should.  
His time is up,  
and the psychiatric pub  
is quieter now.  
Once he asked,  
«where in the world  
are lunatics allowed to bathe  
naked in the moonlight?»  
At last he has found the place,  
but he's probably splashing  
more than God allows.

### РОННИ ЛЭНГУ

Кто сумасшедший, кто в своем уме,  
и кто определяет?  
Если вам нужно уточнить,  
спросите тихо,  
а не то закончите свой путь  
как наркоман на острие ножа,  
как раб таблетки или пациент электрошока.  
Что делал чудный доктор из Шотландии  
в мире таком, как наш?  
Парадигмами бренчал, и все.  
Гораздо больше меры пил.  
Время его истекло,  
психиатрический трактир  
поприутих.  
Однажды он спросил:  
«Так где же в мире,  
где лунатики все эти,  
что могут голыми купаться в лунном свете?»  
В конце концов, он обнаружил это место,  
но брызг создает он, возможно, больше,  
чем Бог ему разрешает.

### FINALE

Before I take that final feeble breath  
I'll show you that I'm not afraid of death,  
and though you scoff and claim that I am lying,  
you'll see I don't dread death but only dying.  
I'm far too proud to graciously let go  
and I'll fight off my death like some vile foe,  
so when at last this mortal bout is done  
in points it will be I, not death, who's won.

### ФИНАЛ

Прощаясь с жизнью, я вам улыбнусь,  
давая знать, что смерти не боюсь.  
Вы можете смеяться, но, поверьте,  
я попросту умру без страха смерти.  
Но без борьбы я сдаться не смогу  
и вызов брошу смерти, как врагу.  
Хотя я внешне проиграю бой,  
но все ж победа «по очкам» за мной.

перевод *И. Ковина*

## SEVEN POEMS

*T. GREENING*